

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ОПЕРАЦИЯ «ПРОКУРОР»

Глава первая	5
Глава вторая.....	22
Глава третья	42
Глава четвёртая.....	62
Глава пятая	82
Глава шестая	101
Глава седьмая	115
Глава восьмая	121
Глава девятая	135

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ОПЕРАЦИЯ «ПРЕМЬЕР»

Глава десятая	151
Глава одиннадцатая	162
Глава двенадцатая	173
Глава тринадцатая	185
Глава четырнадцатая	197
Глава пятнадцатая	214
Глава шестнадцатая.....	224
Глава семнадцатая.....	245
Глава восемнадцатая	258
Глава девятнадцатая.....	276

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ОПЕРАЦИЯ «КАМЮ»

Глава двадцатая	283
Глава двадцать первая	297
Глава двадцать вторая	314
Глава двадцать третья.....	328
Глава двадцать четвёртая	343
Глава двадцать пятая	358
Глава двадцать шестая.....	373

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ: ОПЕРАЦИЯ «ГЕКСОГЕН»

Глава двадцать седьмая	389
Глава двадцать восьмая	409
Глава двадцать девятая.....	421
Глава тридцатая	434
Глава тридцать первая.....	444

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: САМОЛЁТ «РОССИЯ»

Глава тридцать вторая	455
Глава тридцать третья	468
Глава тридцать четвёртая	478
Глава тридцать пятая.....	495

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ОПЕРАЦИЯ «ПРОКУРОР»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Генерал разведки в отставке Виктор Андреевич Белосельцев чувствовал приближение осени по тончайшей желтизне, текущей в бледном воздухе московского утра, словно где-то уронили невидимую капельку йода, и она растворялась среди фасадов и крыш, просачивалась струйками в форточку, плавала в пятне водянистого солнца, создавая ощущение незримой болезни, поразившей город.

Туман на стекле был золотисто-зелёный, такой же, как Тверской бульвар, где под липами, у чёрных стволов, начинали скапливаться озёрки опавшей листвы. Горьковатый цвет увядания присутствовал в иконе, с которой осыпалась блёклая позолота нимбов. В коробках с бабочками, терявшими жёлтую сухую пыльцу. В стакане бледного чая, где преломлялась серебряная ложечка с полустёртой монограммой.

Он недвижно сидел, чувствуя, как горькие яды осени втекают в его кровь и дыхание, порождая лёгкое головокружение, словно от надкушенного черенка осинового листа, жёлтого, с капелькой бледной лазури.

Начинающийся день не сулил встреч и событий, был похож на бледное световое пятно, медленно плывущее над головой. «О тебе, моя Африка, шёпотом в небесах говорят серафимы...» — повторял он стихотворную строчку, случайно залетевшую в память, трепетавшую там, не в силах улететь, словно бабочка, попавшая в паутину.

Телефонный звонок из гостиной прилетел в кабинет и произвёл впечатление царапины, нанесённой стеклорезом:

— Виктор Андреевич, прости, что рано потревожил... Это Гречишников... Здесь такое печальное обстоятельство... Умер генерал Авдеев, которому, кажется, именно ты дал прозвище Суахили... Сегодня отпевают... Приходи, простимся с командиром... Панихида в одиннадцать... Хочу тебя повидать...

Ещё несколько слов знакомого голоса, слабо дребезжащего, словно стакан в подстаканнике на столике идущего поезда. Царапина, оставленная телефонным звонком. И болезненное изумление — стихотворная строчка об Африке и небесных серафимах, случайно залетевшая в память, превратилась в известие о кончине старого генерала разведки, отправлявшего его, Белосельцева, в Мозамбик и Анголу, а теперь лежащего в русской церкви под блёклой фреской с шестикрылым небесным духом.

Суахили был первоклассный разведчик, энтомолог, этнограф. Напоминал своей эрудицией офицеров царского Генерального штаба, которые наносили на карты речные броды, горные тропы, колодцы в пустынях, предвосхищая прохождение войск. Одновременно описывали нравы туземных племен, собирали гербарии, коллекционировали минералы, оставляя после себя изыскания, украшавшие библиотеки университетов и академий.

Суахили ловил бабочек в бельгийском Конго вблизи ракетодома в джунглях, откуда запускались французские ракеты средней дальности. Захватывал в прозрачную кисею сачка редкие экземпляры африканских нимфалид и сатиров, при этом снимая баллистические характеристики ракет, беря пробы грунта, засекая время отсечки двигателей. Он был обстрелян, попал в контрразведку французов, наполовину потерял рассудок от пыток и через пять лет тюрьмы был обменен на французского агента, внедрённого в военно-морской флот Югославии. Он, Суахили, отправлял Белосельцева в африканский вояж, управлял его действиями в пустыне Намиб и в устье реки Лимпопо. Оставил разведку в проклятые дни поражения, когда в свете го-

лубых прожекторов краны снимали с постамента бронзовую скульптуру Дзержинского, и она покачивалась в ночном небе перед горящими окнами Лубянки, как огромный висельник.

С тех пор они не виделись, как и многие из былых сослуживцев, ушедших из помпезного здания госбезопасности, где угнездились предатели и агенты чужих разведок, вскрыли секретные сейфы и досье агентуры, овладели секретами государства, остановили бие-ние сердца Красной Империи. Говорили, что Суахили организовал какой-то фонд, помогает ветеранам разведки. Что он унёс с собой списки заграничной агентуры в странах Африки и Латинской Америки. Что он пишет эзотерические стихи. Что его коллекция бабочек таит в себе коды агентурных сетей. Что он крестился. Что его видели в патриаршей резиденции. Что к нему за советом приезжают руководители банков и крупнейших нефтяных компаний.

Белосельцев не проверял эти слухи. Удар, полученный в дни августа, оглушил его на многие годы. Он жил как контуженый, попавший под фугасный взрыв. Конечности оставались целы, внутренние органы продолжали служить, но в психике оказались разорванными тончайшие волокна и нити, связывающие его с бытием. Сторонясь сослуживцев, он жил, как отшельник в дупле, в постоянной дремоте.

Звонок Гречишников, бывшего товарища, с кем вместе получали генеральские погоны и о ком почти не вспоминал эти годы, его дребезжащий, как стекло в подстаканнике, голос застигли врасплох. Мысль витала над Африкой, и весть о кончине Суахили свидетельствовала о движении таинственных, как облака, явлений, в которые Белосельцев был неявно включен. На него прохладно дохнуло опасностью. Он озирался, стараясь понять, откуда, с какой вершины сорвался холодный порыв. Но лес доступных для обозрения явлений стоял недвижимый, в предосенней желтизне, и ни одна из золотых, вплетённых в берёзы, гирлянд не шевельнулась от ветра. Он поднялся, готовясь

извлечь из гардероба чёрный костюм, чтобы идти на отпевание в храм.

Снова раздался звонок. Ещё не снимая трубку, Белосельцев почувствовал, что предстоящий разговор продолжит череду совпадений.

Говорил Прокурор мягким грассирующим голосом, словно в горле у него дрожала горошина, порождая целлулоидную вибрацию:

— Простите, Виктор Андреевич, за ранний звонок... Мы, кажется, сегодня собирались увидеться, но, увы, у меня безумный день... С утра иду в Кремль, на встречу с Президентом... А потом коллегия... Хотел извиниться и перенести нашу встречу на другое время... — горошина нежно рокотала в горле Прокурора. Белосельцев, слушая его, испытывал удовлетворение, похожее на тепло, которое разливается по телу от глотка горячего чая. Прокурор, собиратель бабочек, знавший о его уникальной коллекции, предлагал обмен — бабочку Южной Африки, пойманную Белосельцевым на границе с Намибией, на бабочку с Филиппин, купленную Прокурором на рынке Манилы. — Может быть, встретимся в выходные дни?.. У меня на даче?.. Я пришлю за вами машину...

Смерть Суахили, посылавшего его в Анголу, в зону боёв. Звонок Гречишникову, приглашавшего проститься с Авдеевым. Звонок Прокурора, мечтавшего получить в коллекцию бабочку из Кунене. Серафимы, шестикрылые духи, над гробом старика-генерала. Стихотворная строка Гумилёва, трепещущая, как синяя бабочка. Всё было связано. Было драгоценными чешуйками смальты, упавшими из огромной, недоступной глазу мозаики. По мерцающим кусочкам стекла не угадать всей мозаики, укрытой в черноте высокого купола. Надо ждать, когда сядет солнце и последний луч, снизу вверх, на мгновение осветит купол храма. И тогда откроется лик.

— Такие выматывающие дни!.. Такая нервотрёпка!.. У людей не остаётся времени на любимые заня-

тия!.. — жаловался Прокурор доверительно, как близкому человеку.

Белосельцев слушал интеллигентный, мягко грасирующий голос, представлял лысоватую голову, осторожный вкрадчивый взгляд, губы, аккуратно выбиравшие слова. Белёное, невыразительное лицо Прокурора часто появлялось на телеэкране, где он многословно и невнятно рассказывал о коррупции власти, намекая на самых высоких персон.

Всё это вызывало мучительное, гадливое чувство. Словно в кремлёвских палатах, среди малахита и мрамора, стоял бак нечистот и оттуда, из-за дворцовых фасадов, белокаменных наличников и лепных карнизов, по ржавым трубам сочилась зловонная жижа.

— Я слышан о вашей коллекции, — продолжал Прокурор. — Если мы, простые смертные, покупаем бабочек в зоомагазинах Сан-Паулу или Лагоса, то Вы, как я слышал, собрали коллекцию на полях сражений, держа в одной руке сачок, а в другой автомат... Мечтаю взглянуть на Ваши трофеи!

— Буду рад вас принять у себя. — Белосельцев осмотрел неприбранную гостиную, прикидывая, сколько времени потребуется на то, чтобы распахать по полкам скопившиеся на столе и тумбочке книги, кинуть в гардероб задержавшиеся на стульях пиджаки и галстуки, загнать в совок лёгкие катышки пыли, свернувшиеся по углам. — Назначайте день, и мы непременно встретимся.

— Позвоню Вам чуть позже, Виктор Андреевич, когда поутихнет нервотрёпка... Бабочки — единственная отрада!.. Слово-то какое — бабочки!.. — Он нежно и весело засмеялся, и в этом смехе почудилось утончённое сладострастие, искусно скрываемое под благопристойным выражением лица, сине-серебряными позументами прокурорского мундира, невыразительным рисунком тщательно подобранных фраз.

Положив телефонную трубку, он вернулся в кабинет и рассматривал коробку ангольских бабочек, среди которых большие, пепельно-красные с жемчужными

пятнами нимфалиды были пойманы им на дороге, где горела и дымилась броня, лежали обгорелые трупы и на тёплое зловонье воронок, ядовитые газы взрывов — летели бабочки. Опускались на опалённые вмятины, и он брал руками их мохнатые тельца и страстно стиснутые перепонки. Хватал за красные кончики крыльев.

Закон совпадений был необъясним с точки зрения классической логики причинно-следственных связей. Тут требовалось знание иных измерений, где в огромных, многомерных объёмах случались события, наподобие вселенских взрывов, от которых в земную жизнь падала лишь лёгкая тень. Вдруг засыхал цветок. Меняла русло река. Старику снилась его молодая мать. Белосельцев чувствовал, как его захватило прозрачное дуновение осени, источавшей перед бурями и ночными дождями мучительную красоту увядания. И нужно замереть, не противиться ветру, а лететь, как лёгкое пернатое семечко, — из сухого соцветия, через забор, через крышу, в туманное поле.

Он перепутал время отпевания и пришёл в храм на час раньше, когда там текла медленная, немногочисленная служба. В воздухе, среди бледных свечей, неярких лампад, была разлита всё та же едва уловимая желтизна близкой осени. Неяркое, блёклое пение, выцветшие женские платки, тихие лица, седая воздушная борода священника, из-под которой тусклым золотым ручьём стекала епитрахиль, сусальный иконостас из виноградных плодов и листьев, струящийся, отекающий, словно переполненные медовые соты, — всё было в голубовато-жёлтой дымке.

Он встал в стороне, под невысокими сводами, где были нарисованы деревья, цветы, среди которых, похожие на травяные и цветочные стебли, притаились ангелы, пророки, апостолы, с головами, напоминавшими подсолнухи, в одеждах цвета увядшей листвы. Перед ним возвышался медный подсвечник, отражавший круглые огоньки свечей. Тут же стоял большой

деревянный стол с грудами яблок — красных, жёлтых, зелёных, которые появились здесь из небесных садов, принесённые садовниками в плетёных корзинах. Сами садовники с нимбами смотрели из райских куш, протягивая руки, предлагая дары. Плоды на столе источали благоухание, вокруг каждого яблока был лёгкий светящийся нимб, и осы, прилетевшие в церковь на запах яблок, вяло ползали по коричневым доскам стола.

Белосельцев испытал умиление и печаль. Храм был садом, куда в раннее утро, под цветущую белизну яблонь, приносили розовых младенцев. Где блистающим солнечным летом, под тяжёлой глянцевиной листвой, венчали женихов и невест, поднося им блюда ароматных плодов. Куда под зимней холодной зарёй, среди голых стволов, на хрустящий снег ставили гроб, и позёмка шевелила бумажный венчик на белом лбу мертвеца.

Он обернулся. На стене, над входом, увидел фреску Страшного суда. Огромный, жилистый червь прогрыз Вселенную, как переспелое яблоко. Залёг в червоточине, изгибаясь складчатым телом. Продырявленное мироздание сгнивало, поедаемое жилистой гусеницей. Вокруг гибнущего, готового отломиться и упасть яблока летали духи света и тьмы. Сшибались с тихим шелестом слюдяных чёрно-белых крыльев. Бились за добычу, за душу усопшего, похожую на мучнисто-белую личинку. Этой личинкой была душа генерала Авлеева, которого везут отпевать по московским утренним улицам. Или душа Белосельцева, которая ещё дремлет в дупле утомлённого тела.

Он изумлялся наивному живописцу, изобразившему жизнь человека, его страсти и похоти, любви и битвы, прозрения и погружение во тьму как сражение крылатых существ, излетающих из нагретого солнцем термитника. Колонна батальона «Буффало», пылящая по каменистой дороге. Ночь в отеле «Полана» с африканской женщиной, чьи лиловые соски были сладкими от земляничного сока. Казнь на пыльном плацу, когда погонщики гнали по кругу пленного,

пока тот не рухнул, и у него изо рта не хлынула кровь. Душа на фреске была похожа на тряпичную куклу с нарисованными глазами и ртом. Духи света и тьмы бились за неё, как сердитые дети, а душа безмолвно и равнодушно взирала.

— Змей в Москву через метро пролез. Так и знай, метро — гнездо Змея. Сперва под Москвой туннель выкопали. Потом туда Змей пролез. А уж после внутри Змея поезда пустили. Едешь в метро — смотри зорче. За окном кишки Змея и слизь капает. Если хочешь убить Змея, взорви метро. Только делай с умом, ночью, когда весь народ уйдёт, и поезда встанут. Тогда Змей просыпается и в Кремль дорогу точит. Тут его и рви. Закладывай мину в трёх местах — на «Театральной», на «Кутузовской» и на «Войковской» — и рви одной искрой разом. Тогда убьёшь. А так не старайся. Он хитрее тебя.

Эти слова произнёс за спиной Белосельцева тихий голос, принадлежавший невысокому человеку в сереньком потёртом пиджаке. Лицо его было выцветшим, бескровным, с седоватыми волосами, маленьким носом и невыразительным ртом. И с огромными тихими глазами серого мягкого цвета, какой бывает у летнего неба, сквозь которое сеет тёплый дождик и ровный греющий свет. Смысл слов был дикий и безумный, но лицо — спокойным и добрым, и глаза смотрели так, словно он знал Белосельцева прежде и теперь радовался встрече.

— Которые в метро ездят, те Змеем укушены. В мозгах яд. Хотят Мавзолей сломать по наущению Змея. Ленин Кремль сторожит, встал на пути Змея, не даёт проползти. Как Ленина уберут, так Змей Кремль обовьёт, хвост с головой свяжет, и конец России. Которые укушены Змеем, хотят из стены героев вынуть, которые за Отечество жертву принесли. Они не пускают Змея. Как только их уберут и Ленина вывезут, так России конец. Ты различай народ, который по наущению Змея, а который плачет, а Змея не пускает.

Человек говорил тихо и убедительно, как будто давал наставления, как пользоваться нехитрым ин-

струментом, стамеской или лопатой, чтобы их ловчее держать, производить работу с наименьшей затратой сил. Белосельцев всматривался в его спокойное бледное лицо, поначалу решив, что перед ним тихий сумасшедший, от которого нужно отойти. Но глаза человека были умны, добры, угадывали в Белосельцеве его печаль и растерянность. И Белосельцев решил, что перед ним один из народных мудрецов и пророков, которые во все века появляются на папертях церквей, словно их рождает одна и та же невидимая, тихая женщина.

— Чтобы Змею вокруг Кремля сомкнуться, сто шагов не хватает. Пойди, сам промерь. Мавзолей от угла к углу аккуратно сто шагов. Я мерил. Раньше караул стоял, штыками отпугивал. Теперь пусто. Я сторожу. Раньше России солдат был нужен, генерал, космонавт. Инженеры и писатели требовались. А теперь сторож нужен. Одному тяжело. Приходи, подменишь меня. Будешь сторож. Станем в две смены дежурить. А не то проползёт.

Белосельцев вдруг почувствовал, как его вовлекает в бесшумную воронку, куда, сворачиваясь, устремлялось пространство и время, и он, лишаясь воли, испытывая головокружение и мучительную сладость, утекает в эту воронку, теряя телесность, превращаясь в длинный блестящий ручей. Подумал, что лучше ему отойти, покинуть храм, оставить юродивого перед фреской, грудой яблок, коричневым, вырезанным из елового корня распятием. Но не было сил. Воля его, как струйка ртути, утекала в воронку, и он, испытывая сладость падения, слушал невнятные речи.

— Узнай тайну Змея, тогда и убьёшь. Без тайны убить невозможно, только жизнь потеряешь. Герой, который Змея хочет убить, — мученик. Молитвой его не взять. Автоматом Калашникова, системой «Град» и мощами Серафима Саровского. Тогда попробуй. Защитники Дома Советов хотели убить Змея, но тайны не знали, и он их убил. Кого пожёг, у кого ум отнял, а кого Змеем сделал. Спорили, кто Христос, а кто Сталин, а Змей их вычислил. В этом тайна.

Белосельцеву хотелось внимать, не разгадывая премудрость блаженного, следовать за ним по пятам по дорогам, по папертям, от погоста к погосту, вслушиваясь в его шелестящие речи. Ночевать в стожках, кормиться у сердобольных людей, стоять у церковных ворот с медной кружкой, слушая бормотанье старух, завернувшись в дырявую ветошь. Забыть, откуда он родом, как его звать, какие грехи и проступки совершил на своём веку. Без памяти и без имени брести по бесконечному тракту, где замёрзшая грязь в колесе и репейник на снежной обочине.

— Царя жиды умучили, а Сталин умучил жидов. Знал тайну Змея. Он войну выиграл и спас русских. Он жертву принёс, сына родного отдал, а о себе не подумал. Сталин святой, и Победа его святая. От его Победы в новом веке новая Россия пойдёт, а старой России тоже конца не будет. Умом не понять.

Белосельцев испытал блаженство, связанное с потерей воли и успокоением разума, который вдруг умолк, как умолкает переполненный птицами куст перед заходом солнца. Ему хотелось смотреть в глаза блаженного человека и плакать беззвучными слезами не боли, не умиления, а тихого сострадания всем, кто пришёл в этот мир, обрёл в нём своё имя и плоть, движется среди моря житейского, чтобы неизбежно исчезнуть, оставив по себе чуть слышный, исчезающий звук.

— Жертва нужна, чтобы Змея убить. Все Христа ждём, чтобы он снова за нас жизнь отдал, а сами забыли, как жертвовать. Ты пожертвуй, как капитан Гастелло, и взорвёшь Змея. А то с красным знаменем по городу ходишь на потеху Змею, а жертвовать не желаешь. Возьми яблоко, — он вынул из-за спины и протянул Белосельцеву большое румяное яблоко, держа его в чёрных замасленных пальцах, какие бывают у слесарей и авторемонтников. — Не бойся, оно чистое, без червя. Меня зовут Николай Николаевич. А ты не бойся, плачь, коли хочешь.

И, оставив в руке Белосельцева яблоко, он ушёл в проём церковных дверей, словно оплавился солнцем,

и исчез. Белосельцев остался, держа светящийся плод, чувствуя, как близки слёзы, и изумляясь таинственной череде совпадений, в которую был ввергнут.

Снаружи, на церковном подворье, зашумело, надвинулось, потемнело. Дверь заслонилась, и два сильных, нецерковных молодых человека внесли крышку гроба. Прошли мимо Белосельцева, озабоченные, работающие, прислонили крышку к стене. Белосельцев, глядя на крышку, удивлялся её стилистическому сходству с тем тяжёлым рабочим столом, за которым сидел генерал, отправляя его в африканский вояж, с деревянными, сталинскими панелями, темневшими за спиной генерала, где висел портрет худощавого, с выгнутой бородкой Дзержинского, с темнокожим, похожим на кита диваном, на котором был вырезан деревянный герб государства. Явилась странная мысль, что генерал, не желая расстаться с дорогим ему интерьером, завещал изготовить гроб из панелей стола и дивана, а оставшийся дубовый материал пустить на отделку нового, уготованного ему кабинета...

Внесли венки из живых цветов с чёрными и красными лентами — от родных, от ветеранов разведки, от Академии наук. Один венок привлёк внимание Белосельцева. Среди красных роз вяло лежала чёрная с серебряными буквами лента с надписью «От соратников по борьбе». В этих словах был таинственный знак, задевший сознание Белосельцева, который никогда не называл свою работу в разведке борьбой, а своих начальников и подчинённых — соратниками.

Шумно, с оханьем, с шарканьем ног, вшестером, внесли тяжёлый гроб, напоминавший дорогой старомодный комод со множеством ручек и ящичков, в которых, если их выдвинуть, увидишь старые крахмальные скатерти с кружевной бахромой, форменные сюртуки и камзолы, пересыпанные снежными хлопьями нафталина, фамильное серебро с потемневшими монограммами. Гроб поставили на деревянные лавочки у стены,

на которой высоко, раздувая щёки, выдыхая струи света, парил шестикрылый дух.

«О тебе, моя Африка, шёпотом в небесах говорят серафимы...» — возникло на устах Белосельцева, пока устанавливали ребристый, с багетами и бронзой, гроб. Генерал Авдеев, Суахили, как нарёк его когда-то Белосельцев, лежал под белой пеленой с бугорками разведённых ступней и сложенных на груди ладоней. Остроносая, с клювиком, с редким седым пухом голова делала его похожим на мёртвую птицу, которую в детстве хоронили в укромном углу двора, выкладывая ей склеп фарфоровыми черепками и стёклышками, заворачивая холодный комочек с зябко поджатыми коготками в лист подорожника. И это сходство, и маленькие, жалобно стиснутые губы, и коричневые выпуклые веки, в которых скрывались белые ядрышки глаз, и проступившие сквозь покрывало костяшки пальцев вызвали у Белосельцева острую жалость, и не только к мертвецу, потерявшему в смерти свой человеческий облик, превращённому в птицу, но и к себе самому, беспомощному и безгласному, участвующему в погребении птицы.

В церковь входили родственники и друзья. Вдова, рыхлая, обессиленная старуха, ведомая под руки стареющими детьми, выпцветшей худощавой дочерью и понурим, бледным сыном с фиолетовыми подглазьями. Им сопутствовали печальные старики обоих полов, пугливые подростки и дети и какие-то понурые домочадцы.

Вдруг среди этих незнакомых персон Белосельцев увидел знакомого. Генерал Буравков, начальник управления, сослуживец Авдеева, вошёл, высокий, сутулый, с широкими, словно из досок сделанными плечами, на которые был надет дорогой чёрно-атласный пиджак. Он почти не изменился за эти годы — сильное, грубое лицо, тяжёлый нос, продолжавший линию лба, строгие нелюдимые глаза под приспущенными вялыми веками. Он, как и покойник, был похож на птицу (только живую, озабоченную), быть может, на пеликана, скры-

вавшего под шёлковой рубахой свой кожаный розоватый зоб. Белосельцев не видел его десять лет. Знал, что Буравков возглавил службу безопасности известного телемагната, превратил эту службу в блистательный инструмент разведки, пугая соперников магната всеведением, активными мероприятиями, сложными комбинациями, с помощью которых создавались и разрушались репутации первых лиц государства. Буравков встал у гроба поодаль, печально склонив тяжёлый нос, словно пеликан на мелководье.

Среди входивших Белосельцев узнал Копейко, другого генерала разведки, ушедшего из организации незадолго до краха, словно он предчувствовал неминуемый позор и исчез, не дожидаясь крушения. Позже, когда, подобно огромным древесным грибам, стали плодиться концерны, корпорации, банки, поедая своими грибницами жирные остатки страны, Копейко возник как советник нефтяного царя. Помогал ему проглатывать фирмы соперников, захватывать трубы, заводы и нефтехранилища, устранять конкурентов, одни из которых разорялись, а другие сгорали в подорванных джипах или ложились на кафель моргов с огнестрельными ранами в головах. Его бритая, круглая, опушённая сединой голова, появившаяся в церкви, расширенные рыжеватые глаза, маленький крепкий нос, клювом опустившийся к губе, делали его похожим на большую сову. Это сходство поразило Белосельцева, как если бы все они, входившие на чешуйчатых длинных ногах или влетавшие на мягких крыльях, были представители пернатых, явившиеся на погребение вожака птичьей стаи.

И уже без удивления он узнал Гречишникова, напоминавшего лесного голубя витютня сильной выпуклой грудью, маленькой головой с хохолком и круглыми разноцветными глазами, а также повадками гладкого, сытого тела, которое двигалось одновременно и влево, и вправо, словно хотело и не решалось взлететь.

Гречишников тут же углядел Белосельцева. Подошёл, протягивая руку, накрывая ладонь Белосельцева